

Б.В. Соколов

Семплеяров

СЕМПЛЕЯРОВ Аркадий Аполлонович — персонаж романа «Мастер и Маргарита», председатель «акустической комиссии московских театров». Фамилия произведена от фамилии хорошего знакомого Булгакова, композитора и дирижера Александра Афанасьевича Спендиарова. Вторая жена писателя Л.Е. Белозерская вспоминает о знакомстве со Спендиаровым и его семейством в начале 1927 и приводит дневниковый рассказ его дочери Марины:

«Мы с папой были у Булгаковых. Любовь Евгеньевна спросила заранее, какое любимое папино блюдо. Я сказала: «Рябчики с красной капустой». С утра я искала папу, чтобы сообщить ему адрес Булгаковых... Помню его голос в телефоне: «Это ты, Марюшка? Ну, что ты? Ну, говори адрес... Хорошо, я приду, детка». Когда я пришла, Михаил Афанасьевич, Любовь Евгеньевна и папа сидели вокруг стола. Папа сидел спиной к свету на фоне рождественской елки. Меня поразило то, что он такой грустный, поникший. Он весь в себе был, в своих мрачных мыслях и, не выходя из своего мрачного в то время мирка, говорил, глядя в тарелку, о накопившихся у него неприятностях. Потом, как-то неожиданно для нас всех, перешел на восхваление Армении. Чувствовалось, что в сутолочной Москве он соскучился по ней».

Сама Л.Е. Белозерская отозвалась о прототипе Семплеярова так: «Мне Александр Афанасьевич понравился, но показался необычайно озабоченным, а поэтому каким-то отсутствующим». Именно таким выглядит Семплеяров после скандала в Театре Варьете, где были разоблачены Коровьевым-Фаготом его любовные похождения. Тогда супруга Семплеярова на телефонный звонок «ответила мрачно, что Аркадий Аполлонович нездоров, лег почитать и подойти к аппарату не может». Разговор его с представителем учреждения, имевшем короткое, но грозное название (в ранних редакциях романа называвшемся ГПУ), во многом напоминает разговор с М.А. Спендиаровой: « Да, да, да, как же, я понимаю... Сейчас выезжаю».

Главным же прототипом Семплеярова, которого в какой-то мере маскировала фигура армянина Спендиарова, был грузин Авель Софронович Енукидзе, являвшийся в 1922–1935 секретарем Президиума ЦИК и председателем Правительственной комиссии по руководству Большим и Художественным театрами. Для собственно театрального искусства эта комиссия была столь же бесполезна, как и акустическая комиссия Семплеярова, однако представляла собой дополнительный барьер для появления «идеологически вредных» спектаклей. Енукидзе также был членом коллегии Наркомпроса и Государственной комиссии по просвещению, располагавшихся на Чистых прудах в доме №6. На Чистых прудах находилась и акустическая комиссия Семплеярова. Енукидзе был равнодушен к прекрасному полу, особенно к актрисам подведомственных театров, что и послужило поводом для его падения в рамках очередной «чистки» в высшем эшелоне власти. 7 июня 1935 Пленум ЦК ВКП(б) принял резолюцию, один из пунктов которой звучал так: «За политическое и бытовое разложение бывшего секретаря ЦИК СССР т. А. Енукидзе вывести его из состава ЦК ВКП(б)». 16 декабря 1937 А. Енукидзе в компании с рядом других подсудимых, в том числе Б. Штейгером, прототипом Барона Майгеля, был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению «в измене Родине, террористической деятельности и систематическом шпионаже в пользу одного из иностранных государств» и расстрелян (в фантастичности этих обвинений вряд ли сомневались мыслящие современники).

Семплеяров фигурировал еще в 1931 в списке персонажей будущего романа. Тогда его звали Пафнутий Аркадьевич Семплеяров. В сцене сеанса черной магии в Театре Варьете Семплеяров впервые появился в варианте конца 1934. Возможно, сатирическое изображение в этом образе Енукидзе было вызвано тем, что именно ему Булгаков в конце апреля 1934 направил прошение о двухмесячной поездке за границу, а секретарь ВЦИК,

как зафиксировала в дневнике 4 мая 1934 Е.С. Булгакова, не рискнул единолично решить вопрос о выезде и наложил на прошении резолюцию: «Направить в ЦК». В результате поездка была сорвана. Отказ последовал в унижительной для писателя и его жены форме (см. «Был май»). «Разоблачение» Семплеярова на сеансе черной магии стало своеобразной мстью Булгакова Енукидзе, причем еще задолго до падения Авеля Софроновича. Но в эпилоге, написанном уже после казни незадачливого секретаря ВЦИК и председателя комиссии по двум главнейшим театрам страны, автор «Мастера и Маргариты» существенно смягчил участь героя по сравнению с прототипом: Семплеярова всего лишь отправляют заведовать грибозаготовочным пунктом в Брянске, поскольку «не клеились у Аркадия Аполлоновича дела с акустикой, и сколько ни старался он улучшить ее, она какая была, такая и осталась». Здесь — косвенный намек на бесплодность запрети-тельно-разрешительной деятельности Енукидзе в качестве правительственного руководи-теля делами Большого Театра и МХАТа.

Имя и отчество Аркадий Аполлонович можно перевести как «пастух Аполлона», поскольку «Аркадий» означает пастух — иронический намек на служение Семплеярова богу — покровителю искусств (имя персонажа в черновике 1931 — Пафнутий — переводится с древнеегипетского как «принадлежащий Богу»).

Отметим, что Семплеяров генетически связан с упоминаемым персонажем пьесы 1931 «Адам и Ева» — всемогущим покровителем литератора-конъюнктурщика Пончика-Непобеды Аполлоном Акимовичем, который требует его «к священной жертве» совсем как бог Аполлон. Эту же функцию выполняет в «Мастере и Маргарите» Семплеяров.

Вероятно, у Семплеярова был еще один неожиданный прототип. В письме своему другу С. Ермолинскому 14 июня 1936 сразу по прибытии в Москву после киевских гастролей МХАТа, Булгаков, среди прочего, сообщал:

«Когда поезд отошел и я, быть может, в последний раз глянул на Днепр, вошел в купе книгоноша, продал Люсе [Е.С. Булгаковой] “Театр и драматургию” №4. Вижу, что она бледнеет, читая. На каждом шагу про меня. Но что пишут! Особенную гнусность отмочил Мейерхольд. Этот человек беспринципен настолько, что чудится, будто на нем нет штанов. Он ходит по белу свету в подштанниках».

Данный эпизод отражен и в дневниковой, записи Е.С. Булгаковой 12 июня 1936:

«Когда ехали обратно, купили номер журнала “Театр и драматургия” в поезде. В передовой “Мольер” назван “низкопробной фальшивкой”. Потом — еще несколько мерзостей, в том числе очень некрасивая выходка Мейерхольда в адрес М.А. А как Мейерхольд просил у М.А. пьесу — каждую, которую М.А. писал».

Номер «Театра и драматургии», который купили Булгаковы, был посвящен дискуссии на собрании театральных работников Москвы 26 марта 1936 вокруг нескольких статей «Правды» по вопросам искусства, в том числе и статьи «Внешний блеск и фальшивое содержание», из-за которой сняли во МХАТе «Кабалу святош» («Мольера»). Всеволод Эмильевич Мейерхольд (1874-1940) утверждал:

«Театральная общественность ждет, чтобы я в своем выступлении от критики других театров перешел к развернутой самокритике... Есть такой Театр сатиры, хороший по существу театр... В этом театре смех превращается в зубоскальство. Этот театр начинает искать таких авторов, которые, с моей точки зрения, ни в какой мере не должны быть в него, допущены. Сюда, например, пролез Булгаков».

Возможно, эти слова Мейерхольда как-то повлияли на снятие доведенного до генеральной репетиции «Ивана Васильевича» в Театре сатиры. Творец «нового искусства» здесь не столько мстил Булгакову за нелестный отзыв в «Роковых яйцах» («Театр имени покойного Всеволода Мейерхольда, погибшего, как известно, в 1927 году при постановке пушкинского “Бориса Годунова”, когда обрушились трапеции с голыми боярами»), — ведь и после этого он просил у опального драматурга пьесы для постановки, сколько стремился продемонстрировать солидарность с партийным печатным органом в безнадежной попытке спасти свой театр. Не спас. В декабре 1937 Театр Мейерхольда был закрыт, и, судя по записям Е.С. Булгаковой, Булгаков никакого сожаления по этому поводу не выра-

зил. Зато в монологе Семплеярова появилась явная пародия на выступление Мейерхольда. В варианте 1934 речь Семплеярова звучала следующим образом:

« — Все-таки нам было бы приятно, гражданин артист... если бы вы разоблачили нам технику массового гипноза, в частности денежные бумажки...

— Пардон, — отозвался клетчатый, — это не гипноз, я извиняюсь. И в частности, разоблачать тут нечего...

— Виноват, — сказал Аркадий Аполлонович, — все же это крайне желательно. Зрительская масса...»

В окончательном же тексте Семплеяров выражался почти так же, как Мейерхольд на дискуссии в марте 1936: «Зрительская масса требует объяснения». На Мейерхольда теперь было ориентировано и описание окружения Семплеярова в Театре Варьете:

«Аркадий Аполлонович помещался в ложе с двумя дамами: пожилой, дорого и модно одетой, и другой — молоденькой и хорошенькой, одетой попроще. Первая из них, как вскоре выяснилось при составлении протокола, была супругой Аркадия Аполлоновича, а вторая — дальней родственницей его, начинающей и подающей надежды актрисой, приехавшей из Саратова и проживающей в квартире Аркадия Аполлоновича и его супруги».

В.Э. Мейерхольд, как известно, происходил из немцев Поволжья и поддерживал с Саратовом тесные связи, пригласив, в частности, оттуда на постоянную работу в Театр Революции известного впоследствии режиссера А. Роома. Булгаков спародировал слова Мейерхольда о том, что от него требуют самокритики, которая в мейерхольдовском выступлении была заменена критикой других. Семплеярова публично уличают в любовных похождениях и, пусть не прямо, как жертв французской моды, но фигурально выставляют на всеобщее обозрение в одних подштанниках. Слова о молодой саратовской родственнице-актрисе — это возможный намек на то, что у родственников первой жены Мейерхольда, Ольги Михайловны Мейерхольд, сестры Марии Михайловны и ее мужа, актера и художника Михаила Алексеевича Михайлова, было имение Лопатино в Саратовской губернии, где до революции 1917 Мейерхольд часто проводил лето. Кроме того, вторая жена Мейерхольда, актриса его театра З.Н. Райх, была на двадцать лет младше мужа, как и мнимая родственница из Саратова по отношению к Семплеярову.

Имя и отчество Аркадий Аполлонович в «Мастере и Маргарите» и Аполлон Акимович в «Адаме и Еве» могли быть подсказаны Булгакову одним домашним обстоятельством: по воспоминаниям Л.Е. Белозерской, ее инструктора по верховой езде звали Константин Аполлонович.